

18+

АЛЕКСЕЙ БАРДО

Сокрытое в листве

Алексей Бардо
Сокрытое в листве

«Издательские решения»

Бардо А.

Сокрытое в листве / А. Бардо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982867-5

Алексей Бардо — писатель, журналист, городской философ. Ведёт блог в Instagram. «Сокрытое в листве» — второй сборник атмосферных рассказов писателя. Книга условно разделена на два раздела: короткие истории и текстуры — эзотерические стихи. Эта книга похожа на ребусы, таящие ответы на многие вопросы. Они позволяют читателю увидеть новые грани знакомого мира. Путь к себе, любовь, магия, познание мира, долг и верность — об этом творчество писателя. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-44-982867-5

© Бардо А.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Конкистадор	7
Москва. Красная площадь. Дождь	11
Последний пророк	13
Ludum consciousness	15
Небо цвета первого снега	18
Однажды в саванне	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сокрытое в листве

Алексей Бардо

Фотограф Ирина Парцева

© Алексей Бардо, 2020

© Ирина Парцева, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-2867-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Эта книга не состоялась бы без моих родителей (когда-то они сделали выбор – дать мне жизнь), моей жены (без неё я бы давно сдался), сыновей (они представляют замечательное поколение), брата (он живёт в самом вдохновляющем городе на свете).

Благодарю каждого подписчика моего блога.

Благодарю друзей, поддержавших меня: @y_romanova, @irina_partseva (автор фотографии на обложке), @igineurban77, @tatyana_kalenykh, @katty_art и многих-многих других.

Желаю всем добра!

Конкистадор

Это игра? Или всерьёз? Однажды я перестал понимать, что происходит. Вроде ничего не поменялось: всё те же стены, сад за окном, камин и круглый ковёр цвета бордо на зеркальном паркете гостиной. Но всё другое. Тусклое. Словно дом, где вырос, стал чахнуть. Здесь всегда был шум и гам, музыка, бесчисленные гости. Теперь коридоры наполнены долгим эхо, многие двери заперты. Почти каждый день появляются угрюмые незнакомцы, обходят комнаты, забирают с собой то гарнитур, то зеркала, то китайские вазы в два моих роста, то картины.

Первой исчезла та, что висела на лестнице – большое полотно в тяжёлой раме. Раньше по пути в спальню я подолгу замирал, разглядывая каждый гениальный мазок. Теперь о ней напоминает только выцветший квадрат на обоях. Дом пустеет, а они всё приходят и приходят. Изменилось что-то. Не пойму, что.

И этот разговор, случайно услышанный... В памяти засело каждое слово.

– Дорогой, я не выдерживаю, – говорила она, – шесть лет ада, мучений... неужели Господь оставил нас?

– Я не хотел тебе говорить, – отвечает он, – но мы вынуждены оставить его. Нет! Нет! На время. Год-два, пока всё не уляжется в Европе.

– Иначе...

– Иначе мы потеряем всё.

– Ему нужен уход...

– Ему нужен уход.

– В интернете...

– Я уверен, он простит. Хотя, едва ли поймёт, что происходит. Это ужасно, понимаю, но...

– А если...

– Не терзай себя. Обстоятельства вынуждают нас. Другого выхода нет.

– Нет...

На днях явился тот, что учит любить бога. В его глазах давно нет веры, но из рук он не выпускал библию, открывал её, зачитывал отрывки. Он пробыл до темноты. Я глядел на него с лестницы на второй этаж. Когда ему подали плащ, он помахал мне рукой. Будто бы приветливо. Я откуда-то знал, что говорили обо мне и о тех странностях, что творились в доме. И откуда-то знал, что меня ждёт. Смутное тревожное предчувствие не покидало меня. Как у приговорённого смертника, который догадывается о своей участи лишь по жестам, взглядам, да обрывкам фраз судей и присяжных. Только в чём я виновен? Не пойму...

В тот вечер, как и прежде, мы собрались у камина. Его как всегда разожгла горничная. У нас давно центральное отопление, но она его все равно разжигала. В доме так принято. Традиция. Я, как обычно, совершил ритуал: прежде чем забраться в кресло, три раза обошёл с закрытыми глазами круг ковра по самой кромке. Воображал себя эквилибристом над пропастью. Я всегда выставлял руки в стороны, это помогало держать равновесие. Ведь нужно быть осторожным, не сорваться с проволоки в бездну, нащупывать каждый сантиметр, прежде чем поставить ногу. Но на этот раз никто не аплодировал моей ловкости. Все были заняты разговорами. Что-то изменилось...

Дамы устроились в отдалении, возле белого рояля. Никто не садился, не перебирал клавиши, как бывало. Мужчины закурили сигары, неспешно, но с невиданной раньше нервозностью, обсуждали последние новости. Их слова кружились в сладком табачном дыму.

– Горнорудная продаёт месторождения...

– Покупателя не найти сейчас...

– Без меди я останавливаю производство...

- Не лучшие времена...
- Это конец...
- Правительство ищет выход...
- Вливает деньги в банки...
- На днях встал автозавод, сокращения...

Я не понимал, о чём они. Глядел на потрескивающие сосновые поленья. Огонь обычно усыплял меня, а в тот вечер я безотрывно наблюдал за его пляской. Только краем глаза заметил, что за окном стемнело и сад заливает дождём. Слова продолжали падать.

- Спасёт только чудо...
- Это крах...
- Сокращаем расходы, режем по живому...
- Бог отвернулся от нас...

Признаться, мне больше по духу был сонный полумрак библиотеки, чем диванная оживлённость у камина. Там я мог часами лежать на грубом шерстяном ковре, прижавшись ухом к полу, слушать скрипучее дыхание дома. Или говорить с книгами, устроившись на кушетке. Я до сих пор не понимаю чёрных значков, выстроенных как солдаты в шеренги, но чувствую голос каждой страницы, зашифрованные запахи, звуки, все тайны. И не важно, на каком они языке.

Иногда те, о ком говорили книги, приходили ко мне. В своей комнате или, если солнечно, в патио, я подолгу вёл беседы то с хромыми пиратами, от которых разило потом, то с капитанами фрегатов, кипящими благородством империй, то с затворниками, обитающими на островах, то светочами монастырей. Они рассказывали о виденном, слышанном, понятном. Благодаря этим разговорам со мной, казалось, произошло всё, что только могло произойти с человеком. Я заглянул за каждую дверь этого мира, а тех, кто подходил ко мне, видел словно бы насквозь. Для меня не оставалось больше тайн. И это стало моей непосильной ношей, моим крестом. Разве что терновый венок не сжимал мою голову. Я видел мир, обречённым на медленное угасание. Видел, что воля человека к жизни уходит из него, как дух из мёртвого тела. И я угасал. И дом...

Мои странные посетители были добры ко мне. Но только не Кортес. Впервые он нагрнулся, лязгая железом, когда я слушал осенние яблони за домом. Он потряхнул меня за плечи, швырнул на землю.

– Родригес! Родригес! Очнись! – прокричал испанец. Я попытался встать, но он ухватил меня за ворот, и я обмяк, почувствовав стальную силу его рук, – Я Кортес, ты помнишь меня?

Я помотал головой. Он ослабил хватку.

– Что они сделали с тобой, Родригес?! Неужели их проклятье так сильно, что и через века ты остаёшься в теле дитя? Ты должен следовать за мной! Я пришёл помочь тебе, Родригес! Вспомни меня!

Я указал ему на дом. Его глаза наполнились отчаянием и тоской. Он исчез. Также внезапно, как и появился, оставив меня на земле. Потом он приходил несколько раз, но образ его был размыт, точно призрак. Больше он не пытался говорить со мной.

Если бы они знали, как тоскую я по крепкому ветру, бьющему в лицо во время шторма, по солёной пене воды, окрикам матросов! Как жаждут мои руки вцепиться в мокрые канаты, закрепляя паруса. Как нестерпимо хотят они стиснуть рукоять меча, звенящего перед битвой отточенной сталью. Но я беспомощен. Пусть дух мой, буйствует, но тело слабо и не вынесет дальних странствий.

Я сдался. Поэтому вечерами вслушивался в слова, что витали среди сигарного дыма. Учился, как быть, когда кем-то предписано и прописано как и когда жить, как и когда умирать.

А в тот вечер мне и вовсе хотелось кричать: «Неужели вы настолько слабы, что уповаете на высшие силы? Где ваша воля? Раньше вы были способны подчинить себе течение жизни,

теперь опускаете руки. Или это бремя свободы сломало вас?». Но ведь, мысль изречённая – есть ложь. И я молчал.

Языки пламени чернили поленья в камине. Я думал: «Всё стало другим». И не понять: игра это, или всерьёз? Может, вырваться и бежать? Признаться, после встречи с испанцем я долго не находил себе места. Если он прав? Жизнь в тюрьме чужого тела: что хуже этого? А там —вдыхай полной грудью воздух свободы; там – только ты и бушующий океан жизни, в котором ты – конкистадор!

А меж тем слова витали в воздухе.

– Думаем продавать дом...

– За бесценок...

– Ситуация ужасающая...

– Юг подкосила засуха, там голод...

И тут в окне мелькнула тень. Кортес! Я соскользнул с кресла, под снисходительные взгляды джентльменов перебежал гостиную, коснулся обеими руками холодного стекла. Я смотрел на его лицо, измождённое походами, поросшее бородой. На его голове был шлем, на груди лёгкая кираса. Глаза горели пламенем безумия. Он прожигал меня взглядом, требуя следовать за ним. «Протяни руку, – говорил его взгляд, – и вот он: мир твоих грёз!». Мой дух метался, словно в агонии. Я понимал, это последний шанс. Шанс на то, чтобы обмануть судьбу и бежать от обволакивающего уюта дома, который я переставал узнавать, от других, что за улыбками прятали кинжалы сплетен, бежать из мира, где привычка подчинила жизнь, где слабость называется осторожностью и почитается как добродетель. Мы долго смотрели друг на друга. В конце концов, он не выдержал, презрительно сплюнул и исчез в дымной из-за дождя темноте.

«Я конкистадор в панцире железном, я весело преследую звезду...», – шептал я своему отражению, оставляя следы дыхания на стекле. Слезы обжигали щёки.

Дух же мой вопил: «Я помню тебя! Я помню твои сверкающие доспехи, Кортес! Когда полчища табасков теснили нас в мангровых зарослях, это я подоспел вовремя. Это мой выстрел из аркебузы поверг того, кто уже занёс копьё, чтобы пронзить твоё сердце. На всю жизнь запомнил твой взгляд, благодарный, одобряющий, полный отваги. Он стоил тысяч слов, слышанных мною в сражениях. Это я первым с готовностью отозвался идти с тобой в поход на Теночтитлан. Не было в моей жизни ни дня, чтобы я пожалел о том мгновении, когда обернулся, чтобы проститься со стенами Вера-Крус. То был август 1519 года. В путь меня манило не золото. Жажда открытый – вот, что пульсировало в жилах! Я помню, как ты увещевал нас: „Братья, последуем кресту! Имея веру, сим знаком победим!“. Но если мне суждено нести бремя грехов, моих или чужих, пребывая здесь, в чужом мне месте, в чужом теле и доме, застывшем в тумане безвременья, подобно безлюдному острову, я буду его нести. Потому что это есть величие духа!».

– Несчастный ребёнок, – услышал я за спиной голос одной из дам, – должно быть, он так страдает.

– С рождения он не произнёс ни слова, – говорила другая, – шесть лет мы с мужем ждали хоть какой-нибудь знак, что он слышит нас, но всё напрасно. Врачи говорят, что он слишком глубоко замкнулся в своём мире и едва понимает, что происходит вокруг. Всё, что мы можем дать ему, – нашу любовь, но сейчас... – она начала всхлипывать, кто-то протянул ей платок, – мы вынуждены продавать дом. Всё так неожиданно рухнуло...

– Сын поедет с вами? Он выдержит поездку? Всё-таки это недельное плавание!

– Придётся на время оставить его в интернате при церкви. Ему нужен постоянный уход. Другого выбора нет... На днях у нас был отец Виктор. Говорил, Господь не оставит ни нас, ни малыша.

Слова вновь начали порхать в воздухе, как колибри в малярийных джунглях.

– Всё обойдётся, дорогая...

– Мы будем навещать его...

– Это на время...

– Так будет лучше...

Я вернулся в кресло. У камина никого не было. Наверное, я слишком долго простоял у окна и не заметил, как мужчины разошлись, оставив после себя только скомканные окурки сигар в массивной хрустальной пепельнице. Это игра или всерьёз? Всё стало другим. Так бывает, когда внутри обрывается что-то, оставляя только призрачный след, который пытаешься разглядеть и прочесть всю оставшуюся жизнь.

Я конкистадор в панцире железном,

Я весело преследую звезду.

Я прохожу по пропастям и безднам

И отдыхаю в радостном саду...

Москва. Красная площадь. Дождь

Открытка пришла изрядно потрёпанной. Вероятно её, выхваченную без конверта из потока корреспонденции, вертели в руках десятки экспертов, просвечивали, изучали каждый миллиметр под микроскопом, протирали растворами, словом, проводили все ведомые и неведомые опыты, чтобы найти хоть какую-нибудь зацепку. Но уликой она не стала.

Я получил её только потому, что никто из них не раскрыл шифр в единственной строке, выведенной твоим острым почерком: «Москва. Красная площадь. Дождь». Но предупреждение, скрытое в особом сочетании букв, запоздало. К тому времени почти вся группа была схвачена. Я благодарен, что столько лет ты беспокоилась обо мне. Знаю, что твоё сообщение – порыв чувств, а не приказ, ведь отправления не получают те, чей арест – лишь вопрос времени.

Долго не решался предать открытку огню, запоминая четкие изгибы букв, адрес отправителя, должно быть, вымышленный. Я словно слышал твой отчаянный крик: «Спасайся!», пробудивший истёртые льдинами лет воспоминания о мгновении жизни, которое связало нас незримыми нитями. Всё, что было у нас после – браки, друзья, увлечения, даже имена – укладывалось в несколько десятков сшитых под грифом и подлежащих вечному хранению страниц замысла неведомых нам режиссёров. Наша жизнь была прописана и предписана. Настоящие мы были стёрты.

И только одно было у нас. Красная площадь и проливной дождь, под который мы угодили без зонтов, опрометчиво отмахнувшись каждый по своей причине от прогнозов синоптиков. Ты решила, что воскресная площадь – лучшее место для встречи перед моим отъездом. Для меня это было неожиданно, ведь все инструкции я получил накануне в тишине прокурорных кабинетов. Но ты была куратором группы, которую мне предстояло возглавить. И я пришёл. Мы условились разыграть случайную встречу. Сейчас очевидно, что спектакль нужен был тебе, чтобы не вызвать подозрений у тех, кто неустанно следил за нами. Ты хотела быть со мной, но это желание нарушало правило: никаких отношений между нами. Тебя могли отстранить, но ты рисковала, поддавшись, может, впервые, неясным тебе чувствам, нарастающим внутри, подобно стихии.

До сих пор вспоминаю тот октябрьский вечер: блеск роскошных витрин универмага, дрожание в лужах жёлтых пятен фонарей, строгое мерцание кремлёвских звёзд. Всё – как на присланной тобою открытке. До сих пор мне не даёт покоя твой взгляд. Не холодный, твёрдый, пронизывающий, какой у тебя был в стенах нашего ведомства, а живой. Когда на нас обрушились потоки воды, ты, вдруг рассмеявшись, подобно студентке, выдержавшей экзамен, звонко крикнула «Бежим!» и, схватив меня за рукав плаща, потянула под арку магазина. Придерживая шляпу, я неуклюже огибал вспененные лужи и спешил за тобой – игривым мотыльком, порхающим в ярком свете витрин. А там, словно усыпленные шумом дождя, мы смотрели друг на друга непозволительно долго и слились бы в поцелуе, но тёмное мокрое небо вздрогнуло от боя курантов. Очнувшись от мимолётного наваждения, овладев собой и устыдившись, словно Адам и Ева, наготы своих чувств, мы, стиснув зубы в неимоверном, предельном напряжении, надели прежние непроницаемые маски.

Мы стали бы прекрасной парой. Мы были молоды, красивы, полны сил и веры в светлые идеалы. Между нами всегда было что-то, что заставляло наши сердца биться чаще, едва мы оставались наедине. Но наша работа и то время, когда в воздухе застыло ожидание войны, вынуждали нас быть жестокими к самим себе. Привычки, желания, привязанности, искренние эмоции были непозволительны; любое напряжение нерва грозило прорваться на поверхность, обнажить перед врагом наши слабые места, изъяны, удар по которым был способен сломить нас, поставить под угрозу существование группы и, в конечном счёте, миллионов людей. Я хорошо помню, как мы прощались в тот вечер: не коснулись друг друга, не взглянули. Ты ска-

зала не провожать, и мы оба растворились в метро, унося каждый в себе тоску по несбывшемуся.

Следующим утром меня уже не было в стране. Сейчас, сквозь годы, я понимаю, что билось в тебе – страстное желание быть любимой. Мне стоило это понять ещё тогда, когда куранты гулко отмеряли конец наших истинных жизней. Ещё тогда мне стоило вырваться усилием воли из цепей обязательств и правил, обнять тебя и больше никогда не выпускать. Должно быть, в тот вечер в центре Москвы мы оба понимали, что готовит для нас предстоящая игра: годы в слабом свете надежды на самое обыденное счастье – любить. Ты не сдалась. Иначе не пошла бы на это немыслимое нарушение строжайших приказов – самовольно посылать карточку.

Я сжёг твоё послание. Особой надобности в этом не было. Это больше привычка – не оставлять следов. Через некоторое время в моём доме появились трое. Сухой стук каблуков их лакированных туфель поставил точку в многолетней игре. Я говорил с ними, сидя за столом в гостиной, пуская к потолку кольца папиросного дыма. Я был спокоен. Мы их переиграли. Курьер, я в первый и последний раз встречался с ним в порту возле трапа пассажирского лайнера, на который у него был билет, уже несколько дней хаживал по тихим московским улочкам, не подозревая, что страницы невинного сборника поэзии, который он передал тебе, испещрены невидимыми чертежами самого разрушительного оружия. Это был наш триумф. Трагедией он обернулся много позже – с первыми испытаниями, заставившими мир содрогнуться от ужаса, но тогда мы ещё верили в светлые идеалы, на алтарь которых положили наши жизни.

Признаюсь, я мог выдумать нашу любовь, увидеть сквозь призму лет в том вечере то, чему на самом деле не было места. Открытка могла оказаться первой попавшейся тебе под руку. Да и с чего я взял, что это твой почерк? Ведь я много лет не видел его. Но, поверь, память о том мгновении, что я провёл рядом с тобой холодным октябрьским вечером, память о твоём коротком, полном жизни и нежности взгляде, позволили мне не пасть духом за четверть века, проведённых в заключении и полной безвестности в чужой стране, откуда я вернулся измождённым стариком.

Я пытался разыскать тебя. Но никто из оставшихся в живых «наших» ничего не знал о тебе. Поэтому теперь я отправляю по единственно известному мне адресу с открытки, что ты прислала мне когда-то, конверт со вложенной карточкой, на которой вывожу дрожащей старческой рукой: «Москва. Красная площадь. Дождь». Каждое воскресенье в шесть я жду тебя на том же месте, где я единственный раз был живой.

Последний пророк

Ночью 13 числа месяца Мухаррам 1542 года от Хиджры (9 Сентября 2117 года по Григорианскому календарю) старик Абдульалим спустился в подвал своего дома. В темноте он на ощупь занавесил плотной тканью единственное узкое оконце, и только убедившись, что не осталось ни одной щёлки, зажёл свечу. Если бы кто-нибудь увидел как он из кучи пыльного тряпья, сваленного в углу, извлекает Книгу, обёрнутую бархатом, прислушивается, подобно вору, к бездвижной тишине, то без промедления предал бы Абдульалима суду, и тот едва ли оставил старика в живых. Но Абдульалим тысячи ночей зажигал в подвале свечу и до утренней молитвы медленно водил пальцем по узорчатым строкам, проговаривая шёпотом слова. Никто за это время не прервал его занятий.

Хоть и душили город слухи о том, что кто-то скрывает Книгу, написанную Первым Пророком на древнем языке арабов, почти стёршимся из памяти потомков; хоть и рыскали по закоулкам патрули, врываясь по ночам в дома, где едва заметно трепетал свет; хоть и была назначена халифом высокая награда тому, кто принесёт Книгу, а вместе с ней и голову прятавшего её, – никто не тревожил Абдульалима. Он слыл в городе праведником. А разве дозволено чело века праведного подозревать в преступлении против веры? «Конечно, нет!» – воскликнул бы любой. Поэтому Абдульалим с окончанием ночной молитвы гасил в доме свет, а сам спускался в подвал, где забывался в чтении.

Много позже исследователи признают, что Книга Абдульалима была единственной уцелевшей после революции, учинённой имамом Хусейном аль-Абидином в 1439 году от Хиджры. Книга досталась ему от отца, который рассчитывал выручить за неё хорошие деньги на чёрном рынке, но умер от случайной пули во время беспорядков. Он не умел читать. Да и едва ли кто-нибудь смог прочесть хоть одну строку из Книги, кроме нескольких учёных. Ведь язык, на котором она была написана, давно распался на диалекты, что задолго до рождения Абдульалима породило множество комментаторских школ, каждая из которых претендовала на истинное толкование Книги. Однако Абдульалим, с детства имевший склонность к языкам, без учителей – таковых попросту не нашлось – выучил арабский и к пятидесяти годам смог обратиться к сокровищам, что таила в себе Книга. Они оказались поистине бесценными.

Но едва он приступил к изучению Писания, к власти пришёл имам аль-Абидин, проповедовавший, что жить нужно так, как жили люди при Первом Пророке – в праведности. Он развязал множество войн, желая видеть себя великим праведником мира. В страхе, что на его место начнут претендовать другие, имам объявил Книгу вне закона «... как творение демона, исказившего слова Первого Пророка», а всех видных её комментаторов – вероотступниками. Но этого ему показалось мало. Он призвал сторонников предать огню все когда-либо изданные священные тексты. Говорят, языки пламени бесчисленных костров тогда доходили до небес.

После этого аль-Абидин объявил себя единственным, кто мог говорить от имени Первого Пророка. Однако довольно скоро выяснилось, что его проповеди, не подкреплённые Книгой, которая раньше была в каждом доме, хоть её уже никто не мог прочесть, не трогали сердца людей настолько глубоко, насколько нужно было для сохранения и приумножения власти. Поэтому имам, объявивший себя к тому времени халифом, освободил из тюрем лучших воров и убийц, разослал их по городам, где они собрали из таких же воров и убийц патрули по защите нравственности, и принялись выполнять приказ аль-Абидина: во что бы то ни стало найти уцелевшее Писание.

Абдульалим не ведал, что владеет последней Книгой. Но, зная, что он по закону халифа преступник, скрывал её от посторонних глаз. Единственный, кому он вскользь проговорился, был торговец пряностями. Абдульалим знал его много лет, оттого вполне доверял. Но тот, польстившись золотом, рассказал всё начальнику городского патруля.

И в ночь 13 числа месяца Мухаррам, когда Абдульалим спустился в подвал, чтобы насладиться чтением, его дом окружили десяток людей, облачённых в чёрное. Они простояли тенями возле стен не меньше часа до тех пор, пока начальник патруля, получив дозволение свыше, не распорядился арестовать преступника.

Когда они ворвались в дом, Абдульалим все ещё сидел на полу в подвале. Но Книги в его руках не было.

– Где она?! – взревел начальник патруля.

– Теперь я знаю всё, – был ему ответ.

– Где?! – повторил он.

– Истина не там, где вы ищите. Истина здесь, – ответил Абдульалим и указал на пепел возле себя. Это был пепел от Книги.

Говорят, сердце Абдульалима остановилось за несколько секунд до того, как его тело изрешетили пули.

Впоследствии, начальник патруля, убивший Абдульалима, начал страдать припадками и в поисках исцеления он много лет провёл в скитаниях. Согласно преданиям, всё это время он размышлял над словами и поступком Абдульалима, и в один из дней на него снизошло озарение. «Конечной истины не существует!» – твердил он в мечетях и на площадях, когда вернулся из странствий.

Весть о новом пророке быстро дошла до самых окраин. Народ, полюбивший бывшего убийцу, стал называть его Последним Пророком. Он без труда и бескровно сверг престарелого аль-Абидина, почти лишившегося к тому моменту власти. Говорят, правление Последнего Пророка отличалось мудростью.

Когда Последний Пророк умер, в его доме обнаружили множество записей, которые впоследствии были объединены в Книгу. Учёные богословы признали её священной. Она ознаменовала новую эпоху мира и процветания. И только некоторые строки, включённые составителями в разные главы, вызывают сейчас ожесточённые споры. Они представляют собой разрозненные буквы, каждая из которых, по мнению аннотаторов, присутствует в имени Всевышнего. Учёные считают, что эти строки были ниспосланы Последнему Пророку ради великой мудрости, недоступной смертным.

И вот по всему миру расползаются бесчисленные богословы, которые утверждают, что только им известно истинное толкование этого символа.

«Конечной истины не существует», – повторял Последний Пророк, стараясь донести до каждого смысл священного писания древних.

Но голос его звучит всё тише в толще веков.

Ludum consciousness Игры с бессознательным

Если задать ему вопрос, он не ответит сразу. Через день-другой заберётся в сон, и предастся витиеватым размышлениям, смысл которых останется гулким эхом в голове, едва вы откроете глаза. Мне доводилось несколько раз спрашивать его. О мелочах. Сущих пустяках. Он отвечал неторопливо, с обстоятельностью древнего философа, тщательно подбирая слова, и когда я просыпался, слова оседали в сознании, как песок в воде, если взболтать бутылку. Ответ открывался в причудливых образах: это был то греческий храм на дне озера, то россыпь драгоценных камней на морском песке, то ветер в вершинах гор.

Я прочитывал их, и наделённый знанием о том, в какую сторону продолжить странствие, встречал новый день. Например, образ храма я интерпретировал как потребность в мудрости древних. Тогда я шёл в библиотеку и пролистывал один за другим пожелтевшие фолианты. В драгоценностях я узнавал желание покоя. И я весь день сторонился столпотворений, пребывая наедине с собой. Ветер и горы прочитывались мною как желание странствий. Не откладывая, я отправлялся в незнакомое место.

Однажды он показал мне торговую площадь в городке на побережье. Множество лавок были наполнены шелками, расписными амфорами, сладостями на подносах с отчеканенными фазанами, украшениями с изумрудами, рубинами, бриллиантами. Во всём это блеске сказочной роскоши моё внимание привлекла лавчонка, прижавшаяся в конце торговых рядов к жилому кварталу. Это была лавка алхимика – неказистая постройка с запылёнными окнами и плотно закрытой дверью, из-за которой доносилось шипение, переходящее то в свист, то в треск.

Не обращая внимания на призывы торговцев, суливших самые выгодные цены, какие только есть в городе, я подошёл к лавчонке, попытался украдкой заглянуть в одно из окон. Но стёкла оказались настолько грязными, а внутри так темно, что я не разглядел ровным счётом ничего. Я набрался смелости и толкнул дверь. Она поддалась. Я вошёл. Глаза мои быстро привыкли к царящему внутри полумраку. Я увидел полки, заставленные толстыми книгами, несколько сомкнутых друг с другом столов, на которых громоздилось множество колб, реторт, и прочих склянок, соединённых витиеватыми трубками из стекла. В них бурлили жидкости невообразимых цветов. Зачарованный этим зрелищем, я замер на пороге.

– Я ничего не продаю, – послышался громкий голос.

Только в этот момент я разглядел в полумраке мужчину. Он разжигал огонь в печи. Незнакомец был довольно молод, его руки легко разламывали надвое довольно толстые ветки, что говорило о недюжинной силе.

– Простите, сударь, – ответил я, – Мне, действительно, не стоило входить без стука.

– Ну, раз вошли, помогите мне, – он выпрямился и оказался на голову выше меня, хотя я имел рост выше среднего.

Я закрыл дверь.

– Что нужно сделать?

– Возьмите меха и раздувайте огонь. Трудитесь усердно, мне нужен жар. Я вознагражу вас, когда всё получится.

Я взялся за ручки и принялся накачивать в печь воздух, пламя в которой натужно ухало, когда я сжимал меха.

– Ещё, ещё, – подбадривал меня алхимик, – готово! Отходите! – крикнул он, когда отблески яркого пламени заплясали в грязных стёклах.

Я отпрянул. Алхимик бросил в огонь серый бесформенный кусок металла. Тут же раздался громкий треск, затем длинный свист вырвался из печи, и что-то в ней хлопнуло, да с такой силой, что сноп искр посыпался на пол. «Так вот, что это было», – подумал я, вжавшись от испуга в стену.

Тем временем алхимик проворно закрыл заслонки печи. Через несколько мгновений пламя утихло, оставив только красные угли.

– Готово, – восторженно произнёс алхимик.

Он вооружился щипцами на длинной рукояти, некоторое время ворошил ими угли, а потом извлёк из печи перепачканный золой бесформенный кусок жёлтого металла.

– Не может быть! – прошептал я, – золото!

– Возможно всё, друг мой, – степенно проговорил Алхимик, опуская раскалённый слиток в чашу с водой, – даже невозможное может произойти.

– Но как? Вы бросили в печь то, что не имеет ценности, а получили золото. И если вы способны на это, почему ютитесь в этой лачуге? Вы можете быть несметно богаты, позволить себе что угодно: дворцы, наложниц, дальние странствия.

– Всё верно, друг мой, – ответил алхимик. Он вытащил из воды слиток и бросил его на стол, – единственное, это золото ни на что не обменяешь. Оно превратится в пыль, если вынести его за порог. Когда-то я тоже думал, что стал самым богатым человеком в мире. Я выплавил целый сундук этого металла. И что же вы думаете? Когда я вынес его на торговую площадь, от него не осталось ни следа. Когда я открыл крышку, все рассмеялись и посчитали меня безумцем. Сундук оказался пустым.

Я подошёл к столу, взял слиток. Тяжёлый, холодный, с щербинками от угольков. Мне доводилось держать в руках золото. И если кто-нибудь дал мне подобный кусок, я ни за что ни поверил бы, что он не настоящий.

– Это какая-то магия? – спросил я.

– Абсолютно верно, – усмехнулся алхимик, – но не та магия, что принято считать обманом.

– Что же это?

– С каждым удачным экспериментом, а в последнее время они почти все удачны, я начинаю видеть всё окружающее по-новому. Словно проникаю в суть вещей, различаю ткань материи, раз за разом перерождаюсь. Для меня почти не осталось тайн в этом мире. Понимаете? Порой мне кажется, что я знаю о рождении и смерти каждой звезды на небе. Скоро привычный мир для меня перестанет существовать. Как и я в нём. По незримому мосту перейду в иные сферы и измерения. Я уже близок к тому, чтобы понять, как построить этот мост.

– Вы, действительно, безумны, – сказал я.

– Возможно, – алхимик улыбнулся, – возьмите его с собой. Я обещал вознаграждение.

Он протянул мне фальшивый слиток.

– Что с него толку, если даже глотка воды не купишь?

– Он утолит другую жажду, – ответил алхимик.

Я положил слиток в карман, попрощался с незнакомцем и вышел. Рынок опустел. Видимо, я провёл в лачуге больше времени, чем думал. Я направился к берегу.

Оказавшись на песчаном пляже, я вывернул карман, где лежал слиток. Как и говорил алхимик, оттуда высыпалась лишь пыль, тут же подхваченная ветром. «Был ли он, алхимик?», – спросил я себя. Прошёлся вдоль берега туда и обратно. Почувствовал беспокойство по поводу того, а не сошёл ли с ума. Решив удостовериться, что всё было сном, я вернулся в город. Но не нашёл ни торговой площади, ни тем более лавки алхимика. На том месте, где ещё меньше часа назад призывно кричали торговцы, я обнаружил парк, по которому степенно прогуливались горожане. Чтобы как-то справиться с охватившим меня волнением, присел на низ-

кую скамейку, подставив лицо теплomu майскому солнцу. Закрыл глаза. И тут же на меня снизошло озарение: это к алхимику были обращены мои вопросы.

По пробуждению меня ждал давно погасший в печи огонь. А там, в серой золе, отливающей красными искрами, блестел бесформенный кусок металла. Это было золото.

Небо цвета первого снега

Ладонь. Горстка снега. Вчера – рождество, а на рассвете ты выскочила за дверь в домашних тапочках. Уже не девочка, а всё дурачишься.

Мы давно ничего не праздновали, а тут – решились. Я раздобыл вина. Смотался за ним в город. Владелец лавки заломил цену за бутылку бордо – теперь всё дорого. Отдал ему часы. Не жалко. Тебе сказал, что потерял их. Ты и не заметила бы, но я наврал. Вечно вру тебе. Говорю, что дети учатся далеко от нас, что они приедут, как только появится возможность. Только так в твоих глазах зажигается огонёк жизни. Пусть и ненадолго. Ты не помнишь ведь ничего. И не спрашиваешь, почему фотографии в гостинной только те, где им по четыре. А других нет. Не спрашиваешь. Не помнишь. Я не виню тебя.

Вечером ты поставила несколько еловых веточек в банку из-под варенья, бросила на них мишуру, положила три коробочки – подарки мне и детям. Свою я так и не открыл, а две убрал в ящик стола, когда ты ушла спать. Ты помолилась перед трапезой, закрыв глаза. Я бездумно повторял слова и глядел на тебя. Знаешь, ты изменилась за эти двенадцать лет. Длинные волосы стали седыми, лицо покрылось стрелками морщин, и только взгляд оставался прежним – глубокий, тёплый, нежный.

У нас был ужин при свечах. Запечённый картофель с куропаткой, что я застрелил накануне, вино. Я рассказывал, врал, о прибавке к зарплате на заводе. Ты сказала: «Здорово», напланировала кучу покупок. Конечно, ты не знала, что с января он закрывается. Не смотришь и не читаешь новости. Да и если бы смотрела, для тебя ничего не изменилось бы. Но я всё решил: буду делать мебель в гараже, благо досок полно, продавать в городе. Глядишь, сведём концы с концами, пока всё не наладится. А ты – вязать детские шапочки. Ходовой товар в зиму.

Когда допили вино, ты запела. Впервые за долгие годы. Тихо запела, вполголоса, будто для себя. Раньше ты стояла в первом ряду церковного хора. Говорили, у тебя ангельский голос. Он таким и остался. Я слушал тебя с упоением и в тот вечер. Но ты резко оборвалась, спросила:

– Когда же приедут дети?

Я покачал головой.

– Они не смогут приехать. В другой раз.

– В другой раз, – эхом повторила ты и сникла.

Мы молча посидели ещё минут пятнадцать. Потом я проводил тебя в спальню. Ты уснула быстро, а я призраком бродил по пустому дому. Я не виню тебя в том, что он пуст.

Далеко за полночь я заперся в комнате на втором этаже и несколько часов рисовал акварелью один и тот же пейзаж: неровный зимний горизонт, подернутый серой дымкой, одинокое деревце вдали и небо, мутно-белое, какое бывает, когда выпадает первый снег. Затем я достал из дальнего угла ящика стола бутылку рома, – в ней оставалось меньше половины, – выпил, захмелел довольно быстро. Долго не решался открыть второй ящик. Открыл. Достал потёртый фотоальбом.

Я листал его до утра, глядел сквозь пелену слёз на тех людей. Да, на тех. Это уже – не мы. Вот они на берегу океана. Он, она, двое малышей на желтом песке. А за ними – белый парусник скользит вдаль. Вот они – в парке, возле пони. Тогда дети впервые прокатились на ней. Или в доме, за рождественским столом. Она мне нравится больше всего. Эта фотография – последняя в альбоме.

В то утро тоже был снег, помнишь? Ты собиралась свозить детей в магазин. Я ещё тогда подумал, что лучше подождать, пока расчистят дорогу, но ты так хотела купить им подарки. Я уступил. Мне позвонили часа через четыре. Я не виню тебя. Это дорога была слишком скользкой, шины старыми. Пикап занесло на повороте и выбросило за обочину в овраг. Ты ничего не смогла сделать. Я должен был настоять, не отпускать тебя. Это я виноват – не ты. Признаюсь,

когда смотрел на тебя в больнице, я желал, чтобы ты умерла. Тогда я ненавидал тебя. Но у бога были другие планы. И ты открыла глаза. Через три месяца после аварии. Врачи сказали, ты ничего не вспомнишь и не запомнишь. Только обрывки прошлого будут всплывать в твоей памяти, но ты никогда не сможешь сложить из них полную мозаику.

Первое, что ты спросила, когда пришла в себя: «Где дети?». Я подошёл к твоей кровати, – ты была вся оплетена проводками и трубками, – зажал рукой твой нос и рот и держал. Твой взгляд я запомнил навсегда. Ты словно бы прощала меня. Но я не смог. Сбежал. Неделю не появлялся в больнице. А когда, наконец, пришёл, ты и правда ничего не помнила. И тогда я соврал. «Они выросли. Учатся. Далеко от нас», – сказал я. С тех пор я всегда так говорю, когда ты спрашиваешь, где они.

И вот вновь рождество. И первый снег. И небо в молочной дымке. Я спустился вниз, надел тебе на плечи пальто, чтобы ты не замёрзла. Ты бросила в меня снежок, звонко засмеялась. Все двенадцать лет я старался, чтобы ты была счастлива. Я завёл тебя в дом, заварил чай с имбирём. Ты обхватила кружку покрасневшими от холода руками, сделала пару глотков, и вдруг сказала:

– Спасибо за то, что ты делаешь.

Мне показалось, что взгляд твой на мгновение стал осмысленным. Будто в глубине души ты понимала, что происходит на самом деле. Я ни в чём не виню тебя.

– С рождеством, – ответил я.

Однажды в саванне

Когда ТотКтоБылРядом упал, ТотКтоУбилТигра присел рядом, опёршись спиной об одинокое дерево, и стал ждать, когда он проснётся. Высокое солнце раскалило растрескавшуюся землю. Год выдался засушливым. Саванна, ставшая без дождя серо-жёлтой, погрузилась в унылую тишину: стада ушли на юг, где ещё можно было встретить полноводные реки. За ними потянулись и хищные звери, и мелкие грызуны. Только гиены стонали здесь по ночам, будто понимали, что прокляты богами.

ТотКтоУбилТигра сидел в жидкой тени раскидистой акации. Издали могло показаться, что он и сам уснул. Однако, опытный охотник приоткрывал глаза, едва шелохнётся рядом от резкого порыва ветра травинка. Он знал, какого самому быть добычей. Не обернись он тогда, во время прошлого сезона дождей, на шорох, не брось копьё туда, где зашевелилась трава, белели бы под небом его обглоданные кости. Поэтому с тех пор как он получил своё имя, он даже во сне оставался таким же чутким, как звери.

Солнце клонилось к краю земли. А ТотКтоБылРядом всё не просыпался. ТомуКтоУбилТигра показалось это странным. Тот никогда не позволял задремать среди дня, да ещё когда нужно было выслеживать добычу. ТотКтоУбилТигра поднялся, подошёл к лежащему в траве ТомуКтоБылРядом, и потряс его за плечо. Он не издал ни звука, не открыла глаза. ТотКтоУбилТигра потряс сильнее и почувствовал, как тело ТогоКтоБылРядом стало твёрдым, словно бы вытесано из дерева искусным мастером. Да, колдун племени говорил о предзнаменовании: три буйвола пали в его сне и туши их были растерзаны хищниками, не похожими ни на одного зверя на свете. «Остерегайтесь уходить дальше трёх вершин», – наставлял он охотников.

ТотКтоУбилТигра обернулся. Гора с тремя пиками, о которой говорил колдун, был далеко позади них. «Боги, за что вы так разгневаны?» – ТотКтоУбилТигра вознёс руки к небесам. Боги не ответили ему. «Верните ТогоКтоБылРядом, иначе не случится удачной охоты и племя будет голодать!» – говорил он духам земли. Но и духи хранили молчание.

Стало темнеть. ТотКтоБылРядом так и лежал. ТотКтоУбилТигра знал, что такое случается с теми, кто прожил много сезонов дождей и засухи или с теми, на кого нападали дикие звери и вырывали кусок плоти. Но ТотКтоБылРядом был одного возраста с ТемКтоУбилТигра, а незаживших ран на его теле не было. «Значит, Боги или духи усыпили его, чтобы мы не могли продолжить путь», – заключил ТотКтоУбилТигра.

Он развёл огонь и принялся неистово молиться небу, земле, племенам подземного мира. И только завывания гиен были ему ответом. «Они жаждут крови», – сказал он и разрезал ладонь острием копья и окропил костёр кровью. Но ТотКтоБылРядом оставался бездвижным в черноте ночи. Тогда ТотКтоУбилТигра стал танцевать вокруг костра, думая, что таким образом задобрит богов. В конце концов, обессиленный упал в пряные травы и забылся сном под завывания гиен.

Первые лучи солнца разбудили его. ТогоКтоБылРядом не оказалось поблизости. ТотКтоУбилТигра издал клич радости и благодарности богам, подхватил копьё. Он решил, что ТотКтоБылРядом не стал его дожидаться и отправился в путь, и бросился было вдогонку. Но тут он заметил, что трава в том месте, где вчера лежал ТотКтоБылРядом, вытоптана, а к кустарнику тянутся следы. Он поднял копьё наизготовку. Через несколько шагов он увидел ТогоКтоБылРядом. Тело его покрыли синеватые пятна, и оно издавало ужасный запах падали. Ноги оказались обглоданы почти до колен. Ему стало ясно: ночью подкрались гиены, утащили тело, начали свою мерзкую трапезу, но что-то испугнуло их.

ТотКтоБылРядом никогда больше не проснётся. Он мёртв. Эта мысль поразила ТогоКтоУбилТигра. Они вместе ходили на охоту бесчисленное количество лун. С ними произошло всё, что только могло произойти во время преследования добычи, и будь они порознь, каждый

из них давно бы превратился в прах и был развеян по свету. ТотКтоУбилТигра упал на колени. Впервые слёзы потекли по его щекам.

То, что он почувствовал дальше, было ему не понятно. Ему захотелось обнять ТогоКтоБылРядом, как вождь обнимал их, вернувшихся с первой удачной охоты. Ему казалось, что он жив и всё ещё поблизости, а тело, как старая кожа змеи, сброшено. Он издал их клич. Но только звенела вокруг жаркая саванна. Тогда, не понимая, что он делает, ТотКтоУбилТигра стал копать руками затвердевшую от зноя землю. Душа в его груди заныла от мысли, что тело ТогоКтоБылРядом разорвут дикие звери и птицы, что питаются мертвой плотью. «Нет, его нужно спрятать так глубоко, чтобы ни один хищник никогда не нашёл его», – подумал ТотКтоУбилТигра.

Когда ТотКтоБылРядом был засыпан землёй, ТотКтоУбилТигра поставил на том месте камень, чтобы каждый проходящий мимо знал, что здесь нашёл последнее пристанище величайший охотник племени. До этого никто не делал ничего подобного. Давно забытые легенды говорят, что так прошли первые похороны. Так началась история Человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.